

ИСТОКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КУЛЬТУРЕ УСТНОЙ, ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ ДРЕВНЕЙ РУСИ¹

Очень большое значение в формировании литературы имела на Руси высокая культура устной, ораторской речи.

Ко времени появления русской литературы русский язык оказался способным выразить тонкости отвлеченной мысли, передать сложное историческое содержание всемирной и русской истории, ответить нуждам нового для Руси, но уже достаточно старого христианского культа, воплотить в себе изощренное ораторское искусство церковных проповедников, воспринять в переводах лучшие произведения европейской средневековой литературы. И это произошло потому, что созданию письменного литературного языка предшествовал устный литературный язык — язык «устной литературы», содержание которой не покрывалось одним только фольклором.

В самом деле, общественный уклад древнерусской жизни способствовал развитию устной речи — в ее самых разнообразных формах. Еще в период перехода от доклассового к классовому обществу общественный быт требовал постоянных устных выступлений: на вече, на сходках старейшин, при переговорах племен или с иноземными государствами, на пиршественных собраниях, столь типичных для дофеодального быта, на похоронах, тризнах. С краткими и энергичными речами обращались князья и воеводы к своим воинам перед выступлениями в поход или перед началом битвы, подавая им «дерзость» и побуждая к стойкости.

Вот, например, известные речи князя Святослава Игоревича к своим дружиинникам: «Уже нас сде пасти; потягнем мужьски, братья и дружино»;² «Уже нам некамо ся дети, волею и нево-

¹ Материал настоящей главы частично повторяет мою статью «Устные истоки художественной системы „Слова о полку Игореве“» в сб. «Слово о полку Игореве» под ред. члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц (М.—Л., 1950).

² Повесть временных лет, ч. I, стр. 50, под 971 г.

лею стати противу; да не посрамим земле Руские, но ляжем костыми, мертвый бо срама не имам...» и т. д.¹ Эти речи Святослава в известной мере связаны со всей традицией русского воинского ораторского искусства. «Аще жив буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною», — говорит Вышата своей дружине.² «Потягнем, уже нам не лзе камо ся дети», — говорит Святослав Ярославич перед битвой с половцами.³ «Да любо налезу себе славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю», — говорит Василько Теребовльский.⁴ С такими же речами обращается к своей дружине и герой «Слова о полку Игореве» Игорь Святославич Новгород-Северский перед битвой с половцами: «Братья! сего есмы искале, а потягнемъ»⁵ или: «Оже побегнемъ, утешь сами, а черныя люди оставим, то от бога ны будет грех сих выдавше пойдемъ; но или умремъ, или живи будемъ на единомъ месте».⁶

Все эти речи свидетельствуют о высокой культуре устной воинской речи. В них чувствуется и княжеская ласка к дружинникам в назывании их «братьями», и отчетливое представление о воинской чести и чести родины, и мудрость воина. Но больше всего поражают они стройностью и исключительным лаконизмом выражения.

Повидимому, яркой выразительностью отличались и речи, произносившиеся на пирах и тризнах. Пиры были широко распространены в быту княжеском, церковном, купеческом и крестьянском. О погребальных тризнах упоминают Ибн-Фадлан и русская летопись в рассказе о третьей мести княгини Ольги древлянам. О полуязыческих трапезах рода и рожаницам упоминают списки тех исповедальных вопросов, которые священники обязаны были задавать на духу. Сохранилось немало свидетельств и о мирских братчинах городских и сельских общин. Наконец, летопись донесла до нас многочисленные свидетельства о пирах князей с их широким гостеприимством. Они устраивались и по поводу венчания нового князя, и по поводу построения новой церкви или монастырской стены, и по поводу военных побед, и при дипломатических свиданиях русских князей. На пирах этих произносились хвалебные речи, провозглашались здравицы, произносились поучения «духовным отцом» за четвертой чашей. «Слово о богатом и убогом» говорит, что на пирах

¹ Повесть временных лет, ч. I, стр. 50, под 971 г.

² Там же, стр. 104, под 1043 г.

³ Там же, стр. 115, под 1068 г.

⁴ Там же, стр. 176, под 1097 г.

⁵ Ипатьевская летопись под 1185 г.

⁶ Там же.

этих выступали «ласковыци, шьпилеве, празднословыцы, смехословыцы». Следов этого пиршественного ораторства до нас почти не дошло, но о наличии его выразительно свидетельствует надпись на «круговой» серебряной чаре Владимира Давидовича (1139—1151 гг.): «А се чара кня(зя) Володимира Давыдовича, кто из нее пь(ет) тому на здоровья, а хваля бога своего и осподаря великого кня(зя)». Отзвуком такой хвалы князьям, может быть, является заключительная здравица в «Слове о полку Игореве»: «Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи, въются голоси чрезъ море до Киева. Игорь ѿдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогошней. Страны ради, гради весели. Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: Слава Игорю Свѧтъславичю, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу. Здрави князи и дружины, побарая за христианы на поганыя плѣки! Княземъ слава а дружинѣ!».

Слава князьям провозглашалась не только на пирах. Ее пели победителю на улице или избранному князю на княжем дворе. Так было в 1068 г., когда киевляне, освободив Всеслава из поруба, «прославиша ѿ среде двора къняжа».¹

Так было в 1242 г., когда псковичи встречали Александра Невского при возвращении с Ледового побоища «поюще песнь и славу государю, великому князу Александру Ярославичу» (Житие Александра Невского в псковской редакции). Так было в 1251 г. при возвращении из победоносного похода Даниила Галицкого и его брата Василька: «И песнь славну пояху има, богу помогшу има, и при доста со славою на землю свою, наследивши путь отца своего великаго Романа...».²

Все эти формы устной речи были унаследованы раннефеодальной Русью еще от предшествующего периода. В период раннего феодализма стихия устной ораторской речи получила еще ряд новых форм для своего развития: речи на княжеских съездах (съездах), крестоцеловальные речи (на Любечском съезде 1097 г.), на заседаниях Совета господ в Новгороде, при судопроизводстве и т. д. Наконец, в многочисленных переговорах князей между собой и в усилившихся сношениях с иноземными государствами развивалось искусство речи послов.

Влияние этой устной речи на литературу письменную не ограничивалось только начальными годами письменности. Оно было постоянным, крепло с годами, формировало язык письменности и служило неиссякаемым источником художественных образов, навыков простоты и лаконизма.

¹ Повесть временных лет, ч. I, стр. 115, под 1068 г.

² Ипатьевская летопись под 1251 г.

Сама устная речь не была неизменной. В XI—XII вв. в обиход общества входит густым потоком феодальная терминология. Развитие военного искусства сказывается на усложнении военной терминологии. Усложняются вопросы внутренней дипломатии, а с ними вместе усложняется и терминология, принятая в посольских переговорах. Развитие устного языка и письменного идет параллельно, оба влияют друг на друга, оба испытывают всепоглощающее воздействие действительности.

Совершенно естественно, что влияние устной речи на письменную сказалось прежде всего на тех произведениях письменности, которые были посвящены русской действительности.

С особенной силой это воздействие устной речи сказалось в летописи. По летописи главным образом мы и можем судить об устной речи XI—XIII вв. В самом деле, именно летопись сберегла для нас многочисленные образцы устной речи XI—XIII вв. Этому способствовало особое отношение летописцев к тем элементам устной речи, которые они включали в свои записи.

Древняя русская письменность XI—XIII вв. почти не знает косвенной речи. За редкими исключениями слова действующих лиц повествования передаются в форме прямой речи. Следовательно место, занимаемое прямой речью в древнерусском повествовании, уже в силу одного этого должно было быть и больше, и значительнее, чем впоследствии. Это не значит, однако, что стесненный малочисленностью форм косвенной речи древнерусский автор пользовался прямой речью, не задумываясь над особенностями прямой (устной) речи как таковой. Ощущение «документальности» приводимой прямой речи было у древнерусского автора весьма отчетливым. Это в особенности касается древнерусского летописца. И к предшествующему тексту летописи, который летописец использовал в своем летописном своде, и к самой действительности, которую он описывал, летописец относился как к документу. Ни произвольных добавлений в фактическую часть летописного рассказа, ни необоснованных утверждений летописцы, работавшие в XI—первой половине XV в., как правило, не допускали.¹

И это, в особенности, относилось к прямой речи. Воспроизводя прямую речь, летописец стремился более или менее точно передать ее на основе предшествующей летописи, на основании того фольклорного произведения, которое он передает в летописи, или так, как она была произнесена или могла быть произнесена в действительности. Летописец стремился к точному вос-

¹ См. подробнее: Д. Лихачев. О летописном периоде русской историографии. Вопросы истории, 1948, № 9, стр. 28 и сл.

произведению действительности, почти не прибегая к помощи фантазии и домыслов.

Вот почему в летописи мы можем встретить следующие типы прямой речи:

1) Чаще всего летописец вносит в свою летопись жизненно-реальную речь, воспроизводит действительно произнесенную речь как документ, по возможности не изменяя ее.

2) С другой стороны, прямая речь в летопись вносится на основании фольклорного произведения; в этом случае она отражает особенности фольклорной прямой речи.

3) Наконец, прямая речь вставлена в летопись вместе с отрывком житийного произведения (например, «Сказание о Борисе и Глебе»); в такой прямой речи может ощущаться сильный налет книжности: речи святого пересыпаны цитатами из молитв и псалмов — они по большей части не воспроизводят действительно произнесенные речи, а служат религиозно-нравственным целям.

Чисто литературные функции прямой речи, употребленной, скажем, для оживления действия, для характеристики действующего лица, для раскрытия его намерений и т. п., были неизвестны летописцам до конца XV в. Вернее, летописцы чуждались именно такого использования прямой речи, так как это внесло бы в их «своды» элемент вымысла. Это не значит, конечно, что в произведениях древнерусских летописцев не было вымысла: летописец был чужд подлинного реализма, принимая за реально бывшее рассказы о чудесах, знамениях, явлениях и т. п. Но этот вымысел не был сознательным, — летописец верил в существование в прошлом всего того, что он рассказывал.

Вот почему в летописи прямая речь, по большей части, занимает одно из центральных мест. Если прямая речь внесена в летопись не из книжного или фольклорного произведения, а записана в ней самим летописцем, то она всегда значительна по содержанию. Приводимые слова по большей части исторически важны. Их произносят не безымянные лица, а лица исторические. Слова эти важны как часть самой действительности. Они не подчинены литературным функциям, они вводятся не для «оживления» повествования, не для его «торможения», не для раскрытия мыслей и намерений действующих лиц, а потому, что они важны по своему историческому содержанию. Элемент «сочиненности»веден в летописи до минимума. Летопись — прежде всего историческое произведение и прямая речь в ней — также исторична и документальна.

Именно поэтому в летописи прямая речь резко отличается в лексическом отношении и в своей художественной манере от остальной чисто повествовательной части летописи. В первой —

летописец зависит по преимуществу от самой устной речи, которую он и стремится воспроизвести во всей ее неприкосновенности. Во второй — влияния чисто книжные гораздо сильнее.

Этим обстоятельством обусловливается особенная ценность показаний прямой речи летописи (но преимущественно той, которая записана летописцем, а не привнесена им из фольклора или из произведений житийных) для установления особенностей устной речи своего времени и ее культуры.

В самом деле, вот перед нами новгородская «Повесть о взятии Царьграда Фрягами», включенная в Новгородскую I летопись под 1204 г. Повесть эта, как уже отмечалось в научной литературе, написана новгородцем — очевидцем царьградских событий 1204 г.¹ Она написана точно и реально, но само собой разумеется, что греческая прямая речь действующих лиц не могла быть в ней записана с абсолютной точностью. Она передана в русском переводе — по смыслу. Любопытно, однако, что эта передача по смыслу сделана в формах устной русской речи.

Составитель «Повести о взятии Царьграда Фрягами» живо отличает особенности устной речи от письменной и переводит греческую устную речь в типичных формах устной же речи. Живое ощущение устной речи не изменяет ему и здесь (ср., например, типичные для русского воинского ораторства слова Фрягов: «Да лучше ны есть умрети у Царяграда, нежели с срамомъ отъити»).² Вот почему и в других случаях в летописи прямая речь постоянно соответствует традициям устной речи, а не письменной — вне зависимости от того, передает ли она действительно произнесенные речи или только те, которые по предположениям летописца должны были быть произнесены.

Чтобы понять, каким образом летописец мог относительно верно знать речи, которым он не был послухом, и почему именно русские летописцы так единодушно добросовестно относились к прямой речи, стремясь к дословному ее воспроизведению, следует несколько остановиться на том, чем была устная речь в русской дипломатической, воинской и вечевой практике XI—XIII вв.

*

И в XI, и в XII, и в XIII вв., а частично и значительно позднее все дипломатические переговоры на Руси велись устно — через устные передачи послов. Русские князья исключительно редко пересыпались между собою грамотами. Их вполне заме-

¹ История русской литературы, т. I. Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1941, стр. 303 (В. П. Адрианова-Перетц).

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова, М.—Л., 1951, под 1204 г.

няли «речи», точно передававшиеся послами и более или менее точно заносившиеся в летопись.

Повесть попа Василия об ослеплении Василька Теребовльского, включенная в «Повесть временных лет» под 1097 г., живо и конкретно передает самую процедуру посылки посла и выполнения им дипломатического поручения. Василий был непосредственным участником переговоров 1097 г., и свидетельство его представляет поэтому особенную ценность: и Давыд (ослепитель Василька), и Василько призывают выполнявшего дипломатические обязанности Василия, усаживают его как равного, беседуют с ним и отдельно сообщают ему те «речи», которые Василий должен был передать по назначению. Замечательно, что поручение сообщается Василию в форме прямой речи от лица посылающего: «Иди к Давыдови и рчи ему: „пришли ми Кульмея“» (слова Василька Василию).

Из этого рассказа попа Василия выясняется, что посол посыпался не с грамотами, а с «речьми». Это выражение «послать с речьми» встречается в летописи неоднократно: оно есть и в Ипатьевской летописи, и в Лаврентьевской, и в Новгородской.¹

Когда переговаривающиеся стороны взаимно посыпают друг к другу послов, летопись применяет выражение «сослаться речьми».²

Из летописи видно, что послу давался общий наказ о том, как должен себя вести посол в том или ином случае, и отдельно поручались «речи», которые посол не мог изменять по-своему и передавал, соблюдая грамматические формы первого лица — от лица пославшего. В общий наказ послу входило, например, поручение передать поклон, спросить о здоровье и т. д.³ Эти «на-

¹ Так, например, под 1140 г. в Ипатьевской летописи рассказывается: «И посла Вячеслав и Изяслав Мстиславич посы свои к Всеволоду с речьми, рядитися...». Под 1151 г. в той же Ипатьевской летописи говорится, что Изяслав Мстиславич послал «с речьми» к венграм, причем следует отметить, что одни из этих «речей» предназначены для венгерского короля, а другие, отдельно, для его подданных.

² «И ста Святополк в граде, а ляхове на Бугу, и сослася речьми Святополк с ляхы» (Лаврентьевская летопись под 1097 г.).

³ Вот как, например, отряжал своего посла к Юрию Долгорукому Вячеслав Киевский. Вячеслав передает Юрию весь ход своих отношений с Изяславом, а потому просит его и его брата Ростислава присутствовать при самом «отряжении» своего посла, как живых поручителей его правдивости: «Вячеслав же рече мужеви своему: „Поеди к брату Гюргеви, брата от мене целуй“; а вы брата и сына, Изяслава и Ростислава, слушайте, перед вами и отряжю; тако молви брату моему: „Аз есмъ, брате, тебе (т. е., конечно, Юрию, а не послу) много молвил и Изяславу, обеима вама, не пролейта крови хрестьянски, ни погубита Руски земле...“» и т. д. (Ипатьевская летопись под 1151 г.).

казные речи» частично сохранялись и в посольском обычай последующих веков. О том, что это были действительно наказья передать устные речи, хорошо известно по документам XVI и XVII вв.

Приехав по назначению, и перед тем как передать порученные ему «речи», посол обычно объявлял: «Тако ти молвить князь», «а тако ти глаголеть» и т. п.¹

Характерно, что термин «править посольство» относился первоначально только к той части переговоров, в которой посол передавал порученные ему речи, но не к выполнению других обязанностей посла. Это отчетливо видно из подробного описания под 1288 г. в Ипатьевской летописи посольства перемышльского епископа Мемнона к Владимиру Васильковичу: «Присла же по томъ ко Володимеру Лев епископа своего перемышлескаго, именемъ Мемнона. Слуги же его поведаша ему: „Владыка, господине, приехалъ“. Он же рече: „Который владыка?“. Они же поведаша: „Перемышлеский, ездить от брата ть ото Лва“. Володимер же бе разумеа древия и задния, на што приехалъ, посла по него. Он же войде к нему и поклонився ему до земле, река: „Брат ти ся кланяетъ“. И веле ему сести. И нача посольство правити: „Брат, ти, господине, молвить: стрый твой Данило король, а мой отецъ, лежить в Холме...“ и т. д.²

Записывая в летопись о том или ином посольстве, о тех или иных переговорах, летописец обычно опускал подробности отъезда и приезда посла, опускал даже иногда самые сведения о после, не упоминал его вовсе, но стремился сохранить самое существенное — «речи». Летописец по большей части записывал их в той форме, в которой они были поручены послу или произнесены им, т. е. в форме обращения от лица пославшего, и никогда не передавал их от лица посла.³

Поручая «речи» послу, посылавший всегда употреблял форму прямого обращения к тому, к кому он посыпал посла; например: «Володимири же мужи (и) Изяславли рекоша ему (послу):

¹ В 1149 г. посол Изяслава явился к Святославу: «И рече ему (Святославу) посол Изяславль: „тако ти молвить Изяслав, брат твой...“» (Ипатьевская летопись под 1149 г.); а затем объявил и самые «речи» Изяслава. Послы князя Глеба, отправленные к Михаилу Переяславскому, «усретоша и (Михалка), рекуще: „Глеб ся кланяетъ, река: „Аз во всемъ виноватъ, а ионе ворочю все...““ и т. д. (Лаврентьевская летопись под 1176 г.). Постол Болеслава к Шварну так выполнил свое поручение: «постол же рече Шварнови: „тако ти молвить князь Болеслав: „Я на Литву не жалую...““ и т. д. (Ипатьевская летопись под 1268 г.).

² Ипатьевская летопись под 1288 г.

³ «И посла Мъстислав по Ярослава, глаголя: „Сяди в своеемъ Кыеве, ты еси старейшей брат; а ми не буди си сторона“» (Лаврентьевская летопись под 1024 г.).

„Брат ти (т. е. Изяславу, а не послу) молвить Володимир и Изяслав мы есме хрест целовали, яко всим нам быти за один, а ве, брате, доспеваеме; а ты, брате, такоже доспевай“.¹

Такое игнорирование личности посла, передача через него «речей» в форме строго личного обращения, очень часто приводило исследователей к мнению, что «речи» эти пересыпались в письменной форме. Между тем порядок этих пересылок «речьми» отмечен в летописи еще для такого периода, когда русские послы явно не могли передавать письменных поручений. В тех же выражениях рассказывает летописец о посольских сношениях Ольги, Святослава и др.²

Передача «речей» от лица посылающего со строгим соблюдением форм личного обращения князя не была вызвана тем, что посол рассматривался как безличный и механический передатчик. Послы в древней Руси никогда не были только гонцами. В послы выбирались «лепшие люди».³ Известны случаи, когда князья посыпали послами своих сыновей. В 1128 г. Мстислав Владимирович отправил послом сына своего Ростислава; в 1151 г. Изяслав Мстиславич отправил в посольство сына Мстислава и т. д.

Объяснение, думается, лежит в ином: посол, передавая «речи» князя, во всех случаях являлся его заместителем, фактотумом. Посол говорил от лица пославшего, как будто бы сам являлся в момент передачи «речей» этим пославшим. Поэтому-то и оскорбление, нанесенное послу, было равнозначно оскорблению того лица, которое его послало.⁴

Таков был общий порядок исправления посольских обязанностей в древней Руси XI—XIII вв. Порядок этот был резко отличен от греческого, где все дипломатические сношения велись грамотами. Русская летопись отметила это различие. Под 1164 г. летописец рассказал, что епископ Антон, «родом гречин», послал

¹ Ипатьевская летопись под 1149 г. Так же строго от лица князя обращается и посол Изяслава Мстиславича к черниговским князьям Владимиру и Изяславу Давидовичам: «И рече им Изяславль посол: „Аже устоите у крестьном целованыи, и я з (т. е. Изяслав, а не произносящий эти слова посол Изяслава) вам, брата, явлю; тако ми вошло во уши, оже мя ведете лестью, а ко Святославу есте хрест целовали к Олговичю, яко на сем пути вам любо мя яги, любо убити в Игоря место, а есть ли то, братья (братьями мог называть Владимира и Изяслава Давидовича, конечно, только Изяслав Мстиславич, а не его посол), тако, или не тако“» (Ипатьевская летопись под 1147 г.).

² Ср. под 946 г.: «И стоя Ольга лето, не можаше взяти града, и умысли сице: послана ко граду, глаголющи...»; ср. также под 971, 980 и другими годами.

³ Ср. в Лаврентьевской летописи под 971 г.

⁴ См. в Ипатьевской летописи под 1174 г. об оскорблении, нанесенном Андрею Боголюбскому в лице его посла.

грамоту к Святославу Всеволодовичу. Характерно при этом, что, передавая содержание этой грамоты, летописец прибегает к тому же термину «река», к которому привык и при передаче устных «речей» послов: «Исписав грамоту и посла к Всеволодичю, река тако...».¹ Из русских князей только Владимир Мономах, также родом «гречин» (по матери), посыпал «грамотицу» князю Олегу Святославичу. Однако с другими русскими князьями Мономах никогда не пересыпался грамотами, строго придерживаясь русского обычая пересылки «речьми».

Характерна встреча обоих обычаем — греческого письменного и русского устного при заключении договоров с греками 945 и 971 гг. Русские послы правили свое посольство согласно русскому обычью — устно, но греки записывали речи русских послов, вводя тем самым «речи» русских послов в традиции своей собственной посольской практики. «Посла Игорь муже своя к Роману, Роман же созва боляре и сановники. Приведоша Руския слы, и велеша глаголати (и) писати обоих речи на харатье».² «(И) повеле писцю писати вся речи Святославля (переданные через посла) на харатью; нача глаголати сол вся речи и нача писец писати. Глагола сице...».³

Русский обычай «ссыльаться речьми», а не грамотами, был очень прочным. Хотя происхождение его восходит, несомненно, к дописьменному периоду истории Руси, но тем не менее и позднее, даже спустя несколько веков после введения письменности, русские послы попрежнему изустно говорят порученные им «речи», не занося их на грамоты. Развитие письменности не изменило этого обычая, хотя не подлежит сомнению, что большинство русских послов, как, например, поп Василий, игумен Федос, Петр Бориславич и др., — были людьми хорошо грамотными, а иногда и незаурядными писателями.

Поразительно, что даже тогда, когда русские послы стали составлять подробные и литературно безупречные отчеты о выполненных ими дипломатических поручениях, включавшиеся иногда и в летопись, и в ней дававшие одни из самых ярких страниц, — даже и тогда русские послы продолжали попрежнему изустно передавать поручаемые им «речи». Так, например, посол Василий, составивший блестящий отчет о своей дипломатической деятельности живую, драматическую, психологически наблюдательную повесть об ослеплении Василька Теребовльского, все посольские поручения выполнял исключительно устно. Устно же передавал поручаемые ему «речи» и Петр Бориславич, также

¹ Ипатьевская летопись под 1164 г.

² Лаврентьевская летопись под 945 г.

³ Там же под 971 г.

составивший подробный отчет о своей миссии к галицкому князю Владимирку. В Ипатьевской летописи в изложении событий XII в. можно обнаружить фрагменты нескольких письменных отчетов послов о выполненных ими поручениях,¹ но передача «речей» неизменно велась по заведенному исстари обычаю — устно.

Посольские «речи» от лица князей настолько вошли в практику русской жизни, что летописец, нередко говоря о посольских «речах», не упоминал о послах, который эти «речи» передавал. Отсюда очень часто при чтении русской летописи создается впечатление, что князья, разделенные огромными расстояниями, свободно переговариваются друг с другом. Так, например, Святослав Ольгович в 1149 г. передавал «речи» послу Изяслава Мстиславича; летописец рассказывает об этом так, как будто бы Святослав обращался к Изяславу непосредственно: «И рече Святослав Ольгович к Изяславу Мстиславичю: „А вороти ми товара брата моего со што любо, а яз с тобою буду“».² Только из предшествующего и последующего изложения ясно, что «речь» эта была передана Святославом через посла.³

«Речи» передавались послами в более или менее законченных формулировках. Формулировки эти запоминались и послами, и участниками переговоров. Они могли передаваться из уст в уста, как своего рода готовые официальные определения создавшейся ситуации. Вот почему и летописец в своих записях стремится бережно сохранять эти формулировки, внося через них в летопись живую струю обыденной, некнижной речи.

Необходимо отметить, что уже самая процедура передачи «речи» послу, а затем воспроизведения ее послом перед лицом, к которому она обращена, свидетельствует о стремлении к наибольшей точности. Мы видели выше, что посол всегда передает поручаемые ему «речи» в первом лице — от пославшего, а не от себя. «Речь» посол предваряет словами «тако ти глаголет» или «тако ти молвит», — как бы подчеркивая ими «цитатный» характер передаваемых слов. Посылающий, или отвечающий, требуя передать свои «речи», также произносит их от

¹ Ср., например, в Ипатьевской летописи под 1147 г. отчет посла Изяслава, ездившего для переговоров к давидовичам в Чернигов.

² Там же под 1149 г.

³ Так же точно Святополк и Владимир Мономах из разных мест обращаются к Олегу Святославичу в Чернигов, как будто бы всех троих не разделяли никакие расстояния: «Святополк же и Володимер рек о ста к нему: „Да се ты ни на поганые идеши, ни на свет к нама, то ты мыслиши на наю и поганым помогаги хочеши, а бог промежи нами будетъ“» (Лаврентьевская летопись под 1096 г.). Речи эти были, конечно, составлены Святополком и Владимиром в результате предварительного сговора через послов, пересылавшихся между Киевом и Переяславлем (Русским), и через послов же переданы Олегу в Чернигов.

своего лица и обращается не к послу, а непосредственно к тому, к кому он посылает.

На точность и продуманность формулировок указывает и ряд других косвенных признаков. Эти формулировки повторяются в переговорах, передаются из «речи» в «речь», их цитируют, — следовательно, считают установившимися и как бы закрепленными применительно к отдельным фактам.

Так, например, отпуская в 1151 г. венгров, Изяслав Мстиславич велел им передать венгерскому королю: «Бог ти помози, брате, оже нам еси тако помогл, толико можетъ так учинити брат роженый или сын отцю, како же ты нам еси учинил». Изяслав предупредил венгров, что отрядит вслед им особого посла к королю: своего сына Мстислава. Очевидно, что венгры не могли представительствовать личность Изяслава. И действительно, отпустив венгров, Изяслав, посоветовавшись с Вячеславом, от лица обоих посыпает Мстислава, повторяя свои слова, уже переданные однажды через венгров, но теперь в посольстве Мстислава облеченные официальностью: «И ты нама еси тако учинил, якоже можетъ так брат роженый брату своему, или сын отцю, якоже ты нама помогл».¹

Другой факт свидетельствует о том, что отдельные формулировки посольской речи запоминались не только самим пославшим, но и теми, к кому они были обращены. Когда Владимир Мономах послал послов к Давиду и Олегу Святославичам (1097 г.), он передал следующие «речи»: «Да поправим сего зла, еже ся створи се в Руськей земъли и в нас, в братъи, оже вверже в ны ножъ».² Яркая образность этой формулы — «оже вверже в ны ножъ» — запомнилась и Давиду и Олегу. В свою очередь, посыпая к Святополку, они передают ему: «Что се зло створил еси в Русьстей земли, и ввергл еси ножъ в ны?».

Точность, с которой запоминались посольские «речи», допускала иногда довольно длинное их цитирование. Так, например, киевский князь Вячеслав обратился к Юрию Долгорукому через посла с «речью», в которой процитировал слова Изяслава Мстиславича.³

¹ Ипатьевская летопись под 1151 г.

² Лаврентьевская летопись под 1096 г.

³ «Любо дай Изяславу чего ти хочеть, пакы ли, амо [в Ипатьевской ошибочно «яз»] поиди полкы своими ко мне, заступи же волость мою; Изяслав ми то молвить: „Ты ми буди в отца место, поиди сяди же в Киеве, а с Гюргем не могу жиги; не хочешь ли мене в любовь прияти, ни Киеву поидеш седеть, яз хочю волость твою пожечи“; ныне же, брате, поеди, а видеве оба по месту, что нам бог дасть, любо добро, любо зло, пакы ли, брате, не поедеш, на мя не жалуй, аже моей волости пож[ж]ена быти» (Ипатьевская летопись под 1149 г.).

Правильность подобного рода цитирования поддается проверке. Так, например, когда в 1149 г. Изяслав киевский вел переговоры с сыном Юрия Долгорукого Ростиславом, он прислал к нему послов, и те передали Ростиславу следующие речи, в которых Изяслав вспоминал свои переговоры с ним, ведшиеся в 1148 г.: «Се, брате, ты еси ко мне от отца пришел, оже отец тя приобидил и волости ти не дал; яз же тя приях в правду, яко достойного брата своего, и волость ти есмь дал, ако ни отец того вдал, что я тебе вдал, а еще есмь и Руской земли приказал стеречи тебе; а то ти есмь рекл: се аз, брате, иду на отца твоего, а на своего стряя, а ты постерези Руской земли, любо ся с ним умирю, пакы ли, а како мя с ним бог управить».¹

Выделенные разрядкой места точно повторяют содержание речей Ростислава и Изяслава, занесенных в летопись под 1148 г. Когда Ростислав бежал от отца своего Юрия и явился в Киев к Изяславу, он сказал ему: «Отец мя переобидил и волости ми не дал»,² а когда Изяслав отправился в поход на отца Ростислава Юрия, он оставил Ростислава в пограничном со степью Божеске, сказав ему: «Пребуди же тамо доколе я схожю на отца твоего, а любо с ним мир възму, пакы ли, а како ся с ним уложю, а ты постерези земле Руской оттоле».³

Как видно из этого примера, несмотря на то, что «речи» послов прошли и через передачу летописца, и приводились (через год) по памяти Изяславом, — отдельные формулировки продолжали сохраняться, хотя порядок этих формулировок и оказался переставленным в этой тройной передаче (посла, Изяслава и летописца).

Об относительно точном воспроизведении речи послов в летописи свидетельствуют различные наблюдения. Характерно, например, что речи новгородских послов сохраняют весь свой северный новгородский колорит даже в передаче киевской летописи. Так, например, в «Повести временных лет» рассказывается под 1102 г., что новгородские послы (их несколько, как всегда от Новгорода) явились к киевскому князю Святополку и сказали ему: «Се мы, княже, прислани к тебе, и ркли ны тако: не хочем Святополка; ни сына его; аще ли 2 главе иметь сын твой, то пошли ѿ; сего ны дал Всеволод, а въскормили есмы собе князь, а ты еси шел от нас».⁴ Эта речь новгородских послов

¹ Ипатьевская летопись под 1149 г.

² Там же под 1148 г.

³ Там же.

⁴ Лаврентьевская летопись под 1102 г.

настолько насыщена типичными новгородизмами, что точность ее воспроизведения в стилистически иной — южной, киевской, летописи не вызывает сомнений. В ней и характерная новгородская формула изгнания князя, не принятая в других русских областях («а ты еси шел от нас»), и понятное только в устах новгородца определение «а въскормили есмы себе князь», и типично новгородское пристрастие к грубоватым поговоркам: «аще ли 2 главе иметь сын твой, то пошли ѿ!», и т. д.¹

Итак можно думать, что и сами послы передавали поручаемые им «речи» в более или менее устойчивой форме, и летописцы стремились заносить их в свои летописи с наибольшою, доступною им точностью. Летописец не выдумывал «речи» послов, а записывал слышанное, иногда сокращая, иногда допуская неточности, но сохраняя многие особенности устной речи.

Устойчивость формы «речей» послов, их донесений и отчетов была такова, что даже через многоустную передачу она сохранилась нередко неизменной. Так, например, сообщения русских летописей о первом появлении татар на границах Руси облетело все русские области и отразилось в летописях новгородской, Переяславля Русского, владимирской, ростовской и галицкой в более или менее сходной форме. И это сходство сохраняется даже в тех летописях, между которыми нельзя установить непосредственной письменной связи.

Мало того, сообщение о появлении татар достигло в том же году и западноевропейских стран и там отразилось в хрониках в формулах, опять-таки сходных с русской. Цезарий Гестербахский в 47 главе X книги своей хроники пишет о Калкской битве:

«В прошедшем году еще какой-то народ, вошел во владения руссов и истребил там весь народ унский; нам неизвестно, что

¹ Такая же точность в передаче новгородских «речей» явственно ощущается в другой летописи — в киевском продолжении к «Повести временных лет». Под 1148 г. в ней записан очень характерный для новгородцев ответ на обращение Изяслава Мстиславича. Новгородцы отвечали в формуле, характерной и понятной только для новгородцев и, следовательно, правдиво отраженной в Киевской летописи: «Ты наш князь, ты наш Володимир, ты наш Мъстислав! ради с тобою идем своих деля обид» (Ипатьевская летопись под 1148 г.). Под Владимиром новгородский ответ разумел, очевидно, не Владимира Мономаха, а Владимира Ярославича, а под Мстиславом — Мстислава Владимировича, чья деятельность как новгородского князя была слабо отмечена в киевской летописи, но зато хорошо памятна самим новгородцам. Так же типичен для новгородцев и другой их ответ, приведенный в Ипатьевской летописи под тем же годом несколько ниже: «Княже! ать же поидем, и всяка душа; аче и дъяк, а гуменце ему пострижено, а не поставлен будет, [и тъи поидеть, а кто поставлен, — так, Хлебниковский список] ать бога молить» (Ипатьевская летопись под 1148 г.).

это за народ, откуда идет и куда стремится».¹ Ср. в Новгородской I летописи по Синодальному списку: «Том же лете, по грешом нашим, придоша языци незнаеми, их же добре никто же не весть, кто суть и отколе изидоша... мы же их не вемы, кто суть...» «... и не съведаем откуду суть пришли и кде ся деша опять; бог весть отколе приде на нас, за грехы наша».²

*

Отношение к прямой речи как к своего рода документу, как к чему-то реально произнесенному и значительному в своей историчности позволило частично сохранить в этой прямой речи летописи образную, художественную систему устной речи, которой в собственном книжном изложении, в изложении от своего лица, летописец очень часто чуждался как простой, «некнижной». В самом деле, летописец опасался вводить в изложение от своего лица художественные приемы речи устной, делал это в ограниченных размерах, с разбором и выбором. Характерна в этом отношении оговорка, с помощью которой вводится им в летопись один из образов устной, обыденной речи. Летописец пишет: «В то же лето бысть буря велика, ака же не была николи же, около Котелниче, и розноси хоромы и товар и клети и жито из гумен, и спросто рещи яко рать взяла».³ Следовательно, введение образа из устной речи в изложение от своего лица иногда вызывало даже в летописце необходимость оговорки, своеобразного извинения перед читателем. Образ устной речи отчетливо осознавался как «некнижный», «простой». Совсем иное отношение у летописца к подобного рода образам, когда он передает их в чужой речи — в прямой речи действующих лиц его повествования. Прямая речь снимает как бы с него ответственность за ее «простоту». Это — документ, и здесь летописец может сохранять, следовательно, все особенности прямой речи во всей их неприкосновенности. И действительно, в прямой речи действующих лиц летописного повествования мы встречаем удивительное богатство творческой фантазии самого народа, ничем не сдерживающий поток образной, лаконичной и удивительно выразительной живой устной русской речи. Повторяем: и в лексическом, и в грамматическом, а главное в стилистическом отношении прямая речь в летописи резко отлична от всего остального повествования летописца.

¹ Ученые записки Академии Наук по I и III отдел., т. II, 1854, стр. 760.

² Цитирую по изданию: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова, М.—Л., 1951.

³ Ипатьевская летопись под 1143 г.

Приведем несколько примеров образной устной речи, отраженной в летописи. Прямая речь насыщена сравнениями. Вот, например, сравнение неумолимо надвигающейся вражеской рати с падающим деревом: «И реша прузи ятвязем: Можете ли древо поддръжати сулицами, и на сию рать деръзнути?».¹

Или вот сравнение далеко зашедшей в чужие пределы рати с рыбами, оказавшимися на суше. Юрий Всеволодович говорит через послов Мстиславу Удалому перед Липецкой битвой: «Мира не хочем, мужи у мене; а далече есте шли, и вышли есте акы рыбы на сухо».²

Особенно часто встречается в прямой речи метонимия. Ею буквально насыщена прямая речь летописи: Рогнеда говорит Рогволоду, отказываясь выйти замуж за «робичича» Владимира: «Не хочу розути робичича», разумея под «разуванием» — русский свадебный обряд, частью которого являлось разувание сапога мужа новобрачной; или известная метонимия из речи Вячеслава Киевского: «Аз уже бородат, а ты ся еси родил».³

Часть метонимий постоянно повторяется в летописи, различаясь лишь употреблением. Такова, например, метонимия «голова» вм. «человек»: «не идеть место к голове, но голова к месту»,⁴ «а наилучше в чюжю голову, нежели в свою»;⁵ «зане сын твой ловить головы моей всегда»;⁶ «А он головы твоей ловить»;⁷ «добыл есми головою своею Киева и Переяславля».⁸

Такова же метонимия «ножь» или «мечь» вм. «война, усобица, военные действия». Ср., например, слова, переданные Мономахом Давыду и Олегу Святославичам по поводу ослепления Василька Теребовльского: «Поидете к Городцу, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьской земли и в нас, в браты, оже ввержен в ны ножь...».⁹ Это выражение подхватывают Олег и Давыд, посылая к Святополку Изяславичу: «Что се зло створил еси в Русьстей земли, и ввергл еси ножь в ны».¹⁰ Вместо слова «ножь» в Тверском сборнике здесь стоит «мечь».

На метонимии же построена и большая часть терминов военных и феодальных: «рука» — власть, могущество; «стяг» — полк;

¹ Ипатьевская летопись под 1252 г.

² Новгородская I летопись по Синодальному списку, под 1216 г.

³ Ипатьевская летопись под 1151 г.

⁴ Там же.

⁵ Там же под 1169 г.

⁶ Там же.

⁷ Лаврентьевская летопись под 1177 г.

⁸ Ипатьевская летопись под 1148 г.

⁹ Лаврентьевская летопись под 1097 г.

¹⁰ Там же.

«всесть на конь» — отправиться в поход и т. п. Особенно оживляют устную речь неожиданные и смелые предположения, скрытая ирония, гиперболы. Характерна в этом отношении речь Владимира Васильковича Волынского, которого мы можем охарактеризовать, на основании того немногого, что нам сохранила из его речей летопись, как большого мастера русской разговорной речи.

Вот что, например, говорит Владимир Василькович Мстиславу Даниловичу, начавшему еще до смерти Владимира распоряжаться его наследством: «Брате! Ты мене ни на полону ял, ни копьемъ мя еси добыл, не из городов моих выбил мя есь, ратью пришед на мя, оже сяко чиниши надо мною». Дозволяя своей жене делать после своей смерти все, что ей заблагорассудится, Владимир Василькович так мотивирует это свое решение: «Мне не воставши (из гроба) смотрить, что кто иметь чинити по моемъ животе (т. е. после моей смерти)». В ответ на просьбу Юрия Львовича дать ему в наследство Берестье умирающий Владимир Василькович вытащил из своей постели пук соломы, показал ее своему слуге Ратьше, которого послал к Мстиславу Даниловичу, и произнес: «Хотя бых, ти, — рци, — брат мой, тот вехоть соломы дал, того не давай по моемъ животе никому же».

Конкретность и образность характерна и для речи новгородцев. Когда Мстислав, изменив Новгороду, попытался затем в 1177 г. вернуться в Новгород, новгородцы сказали ему: «Ударил еси пятою Новьгород... чему к нам идеши».¹ Когда Вячеслав, Изяслав и Ростислав выходили из Киева против Юрия Долгорукого, киевляне говорили им, собираясь выступить все вместе: «Ать же пойдут вси, како можетъ и хлуд (хлыст) в руци взяти; пакы ли кто не пойдетъ, нам же и дай, ать мы сами побьемы».²

Особым лаконизмом, выработанностью формул, отчетливостью и образностью отличались речи, произносившиеся на вечевых собраниях. Несомненно, что вече выработало свои формы обращения к массе, умение сжато и энергично выразить политическую программу в легко доступной и легко запоминающейся формуле. Образность и пословичность отличает эти вечевые обращения. В ответ на зов Мстислава Мстиславича пойти на Киев против Всеволода Чермного новгородское вече отвечало ему: «Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вържем».³ Так же энергична и речь посадника

¹ Лаврентьевская летопись под 1177 г.

² Ипатьевская летопись под 1151 г.

³ Новгородская I летопись по Синодальному списку под 1214 г.

Твердислава на новгородском вече: «Даже буду виноват, да буду ту мертв; буду ли прав, а ты мя оправи, господи».¹

Мы видели уже выше, что летопись донесла до нас много речей, произносившихся послами. По самому своему содержанию эти речи послов были гораздо более разнообразны и сложны, чем речи воинские и даже вечевые. В них меньше традиционных формул, шаблонных оборотов. Вместе с тем они легко заимствуют отдельные формулы из практики иной устной речи — вечевой, воинской, даже разговорной. Однако чем сложнее были задачи, ставившиеся дипломатическому языку, тем более блестяще они разрешались.

Прежде всего поражает своеобразный образный лаконизм посольских речей: «Оже есте мой Городець пожгли и божницю, то я ся тому отожгу противу», — говорит Юрий Долгорукий через послов Святославу Ольговичу.² Юрий Всеволодович следующим образом формулировал свое требование, переданное через новгородских послов: «Выдайте ми Якима Иванковиця, Микифора Тудоровиця, Иванка Тимошкиниця, Сдилу Савиниця, Вячка, Иванца, Радка; не выдадите ли, а я поил есь коне Тыхверью, а еще Волховомъ напою».³

Особенное значение в устной речи имела всегда выразительная антитеза: «Да аще (вам) любо, да седита, аще ли ни, да пусти Василка семо»;⁴ «А поиди, а мы с тобою, не идеши ли, а мы есь в христыном целовании правы»;⁵ «Годно ти ся с ним (Юрием) умирить — умиришися, пакы ли а рать зачнеши с ним»;⁶ «Аще ты ратен — си ратни же, аще ты мирен, а си мирни же»,⁷ и т. д.

Не следует думать, что система художественных средств устной речи была каждый раз плодом индивидуальной изобретательности. В дальнейшем мы увидим, что она в сильнейшей степени зависела от самой действительности, от воинской, феодальной символики, и этим объясняется ее относительная устойчивость.

В Ипатьевской летописи под 1185 г. сказано: «Всеволод же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста» — это говорится о Всеволоде буй туре брате Игоря Святославича в описании знаменитой битвы Игоря на реке Каяле.

¹ Новгородская I летопись по Синодальному списку под 1218 г.

² Ипатьевская летопись под 1152 г.

³ Новгородская I летопись по Синодальному списку под 1224 г.

⁴ Повесть временных лет под 1100 г.

⁵ Ипатьевская летопись под 1148 г.

⁶ Там же под 1154 г.

⁷ Лаврентьевская летопись под 1186 г.

Тот же художественный образ находим мы спустя столетие в «Повести о разорении Рязани Батыем»:¹ «Еупатию тако их бываще нещадно, яко и мечи притупившася, и емля татарскыя мечи и сечаше их».

Привычка к конкретному мышлению сказывается во многих из «речей» летописи. «Брате! — говорит Мстислав Изяславич Владимиру Мстиславичу Дорогобужскому, — хрест еси целовала, а и еще ты ни уста не осхла».² Сходный образ находим мы спустя сто лет в Волынской летописи, но уже не в прямой речи, а в повествовании самого летописца: «Лев же убояся того (угрозы татарского нашествия, — Д. Л.) велми, и еще бо ему не сошла оскомина Телебужины рати».

Устная речь оказывает постоянное воздействие на речь древнерусского автора. Она постепенно входит в письменность через прямую речь и остается в речи авторской. Замечательный пример тому — произведения Мономаха. «А бога деля, — просит Владимир Мономах Олега Святославича, — пусти ю ко мне вборзе с первым сломь, да с нею кончав слезы, посажю на месте, и сядеть акы горлица на сусе древе желеочи...».³ Или другой пример из тех же сочинений Мономаха: «И ехахом сквозе полки половъческие, не в 100 дружине, и с детми и с женами. И облизахутся на нас акы волци стояще...».⁴

Влияние устной речи на произведения Владимира Мономаха сказывается не только в заимствовании из нее художественных образов, но и в самом построении фраз: «Дивно ли, оже мужь умеръ в томъку ти?»; «Аще же жю, а бог ми ведасть и крест честный»; «Оли то буду грех створил, оже на тя шед к Чернигову, поганых дела, а того ся каю» и т. п. «Поучение» Мономаха как бы рассчитано на произнесение вслух. Возможно, что Мономах его диктовал, или, когда писал, представлял себя произносящим его.

Не только «Поучение» было рассчитано на произнесение вслух. Для чтения в церкви или в трапезной предназначались различные жития. Для произнесения перед паствой предназначались слова и поучения. Они предназначались для размеренного, богослужебного чтения, но и в них пробивались иногда живые бытовые интонации. Летопись не предназначалась для чтения, вслух, но стихия устной речи в ней была все же очень сильна.

¹ Список Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Волоколамск, 526, XVI в.

² Ипатьевская летопись под 1169 г.

³ Лаврентьевская летопись под 1096 г.

⁴ Там же.

Итак, письменная речь обладала самыми тесными связями с устной ораторской речью. Литература питалась за счет устной ораторской речи — тех образов, которые уже в ней имелись, тех точных выражений, которые составляли основу ее лаконизма, того традиционного содержания, которое в нее вкладывалось.

Ораторская речь, хотя и была импровизированной, обладала своими выработанными формулами, обладала своей традицией мастерства. Это была литература до литературы. Это было устное искусство, в котором были элементы художественности, позднее перешедшие в настоящую — письменную литературу.

Сперва только вкрапленные в летопись, эти речи постепенно входили в обиход письменности, расширяли словарь письменного языка, приучали говорить просто и ясно, вносили в письменность разнообразные синтаксические обороты и живую образность разговорного языка. Вместе с тем, речи действующих лиц летописи позволяли глубже раскрыть их политические убеждения. Связь с политической действительностью крепилась в этих речах особенно отчетливо. Это были своеобразные «окна в действительность», где почти не сказывались трафареты письменного языка, литературные приемы и литературная образность. Даже те из речей действующих лиц летописи, которые были явно придуманы, сочинялись так, как будто бы они были произнесены на самом деле — в манере действительных устных речей.

